

ИСКУССТВО БРАТЬ

ВЗЯТКИ

Эраст Перцов

ВИДЫ ВЗЯТОК,
МЕТОДЫ ИХ ПОЛУЧЕНИЯ
И КАК ИЗБЕЖАТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПЕРЕД НАЧАЛЬСТВОМ
И ЗАВИСТИ ПОДЧИНЕННЫХ

Эраст Перцов

Искусство брать взятки

«Центрполиграф»

УДК 82-7
ББК 7.84

Перцов Э. П.

Искусство брать взятки / Э. П. Перцов —
«Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-07805-6

Эраст Петрович Перцов – разносторонний литератор, писатель, поэт, автор комедий и теоретических исследований в области политики, экономики, сельского хозяйства и прикладной науки. Публиковался в журналах «Отечественные записки», «Северная пчела», «Библиотека для чтения». В 1847–1854 гг. являлся редактором «Журнала общепользных сведений». В сатирическом произведении «Искусство брать взятки» автор иронизировал над тем, что «при нынешних решительных мерах правительства искусство брать взятки начинает приходить в упадок», и поэтому торопил читателя воспользоваться советами чиновника, изложенными от первого лица в виде лекций. В книге описаны виды взяток, приводятся напутствия о том, как избежать ответственности и как можно манипулировать просителем.

УДК 82-7
ББК 7.84

ISBN 978-5-227-07805-6

© Перцов Э. П.
© Центрполиграф

Содержание

Два письма	5
Лекция первая вступительная	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Эраст Петрович Перцов Искусство брать взятки. Рукопись, найденная в бумагах умершего титулярного советника Тяжалкина

Два письма Вместо предисловия

Письмо издателя к NN

Милостивый государь NN!

Посылаю вам находку, которая случайно попалась мне на глаза при разбирании на сих днях бумаг покойного Тяжалкина. Рукопись сия показалась мне столь занимательной, что я тотчас же велел списать с нее копию для вас, зная, что вы великий любитель всяких редкостей. Мне было бы желательно знать, как вам покажется это сочинение.

Уездный наш стряпчий Кривотолкин сказывал мне, что когда покойный Тяжалкин в последний период жизни своей попал под следствие, то придумал отличный способ расположить к себе людей, от которых зависела его участь: стал читать их детям лекции об искусстве брать взятки. Он имел долговременную практику в своих теоретических познаниях, и не только дети, но приятели, знакомые Тяжалкина и даже вольные служители собирались в его доме. Кривотолкин тоже часто бывал. Он и теперь еще любит вспоминать о даре слова и о восторгах своего профессора.

Если судить по рассказам Кривотолкина, то лекции Тяжалкина имели большой успех у слушателей, хотя он не кончил, как говорят, полного курса.

Первая удача приманчива: теперь всякий раз я с большей охотой разбираю бумаги покойного, и если мне посчастливится еще находкой, то не премину поделиться с вами. Между тем, пожалуйста, не позабудьте сообщить ваше мнение о нынешней.

Издатель

Ответ NN издателю

Милостивый государь!

Прочитав присланную мне рукопись, я считаю бесполезным требовать доказательств, подлинно ли сочинение умершего Тяжалкина, даже существование которого кажется мне сомнительным. Скорее надлежит признать это юмористической шуткой над взяточниками,

написанной от его имени для того, чтобы сим способом стать на ту точку, с которой сей предмет виднее со всех сторон и может быть осмеян удовлетворительнейшим образом. Точно так же поступил Сервантес по отношению к рыцарству: если б история Дон Кихота не была представлена под маской важности, то вряд ли бы она стала полезной. Как ни осуждайте, как ни презирайте то, что достойно осуждения и презрения, но только ирония одна способна произвести сильное действие.

По мнению моему, ваша рукопись порадует добрых людей, желающих отечеству своему блага, и огорчит тех, в чье будто бы наставление она писана. Если огорчит, то нравственная цель сочинения достигнута как нельзя лучше.

Имею честь, и пр.

NN

Лекция первая вступительная

Милостивые государи!

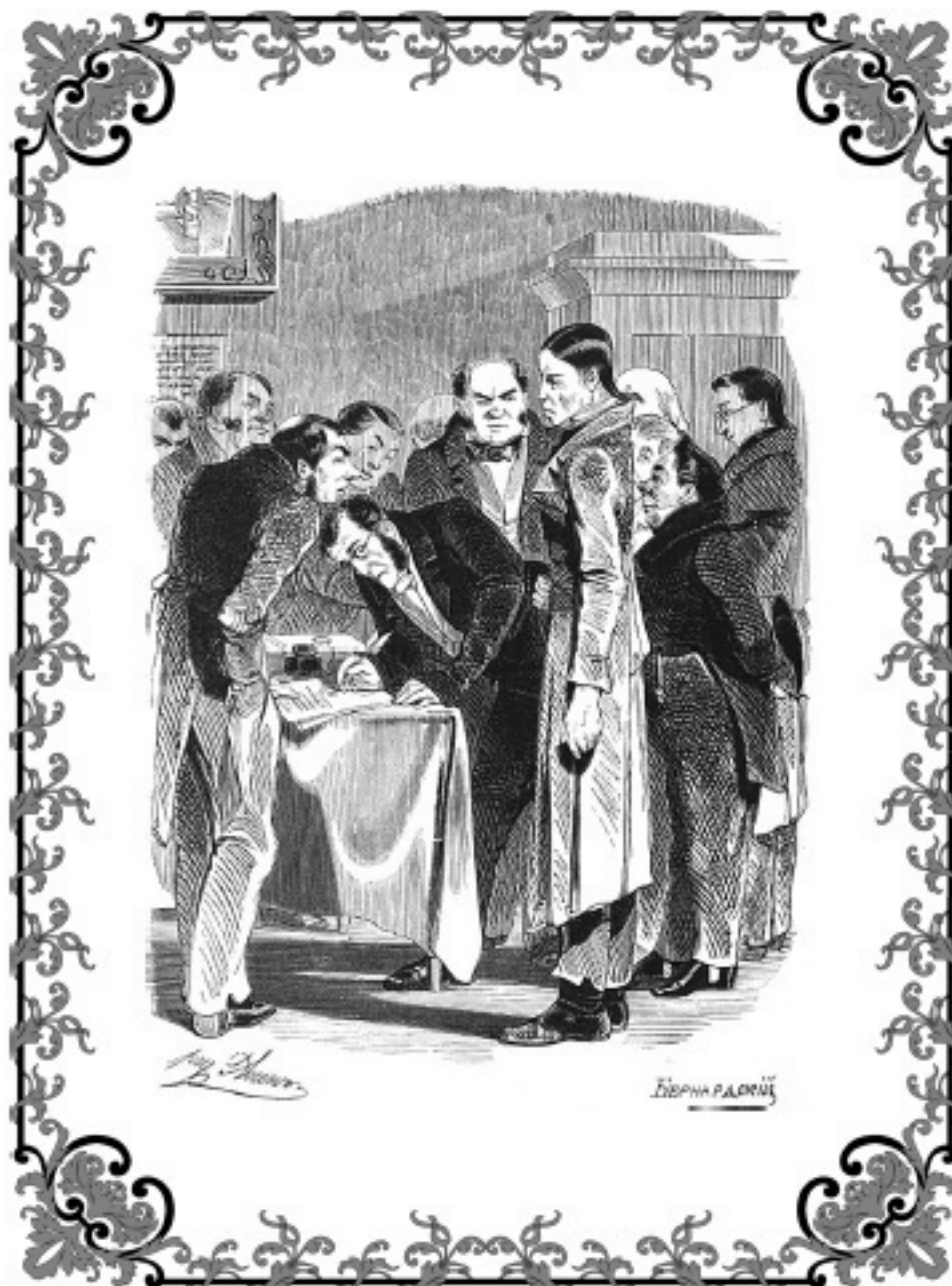
Осмеливаюсь преподать вам тайны искусства неизвестного мудрецам древним и времен новейших. Искусства, которое доныне не было приведено в систему, ни в одной стране мира не обнародовано ни письменным, ни печатным образом и остающееся прочным достоянием одних избранных под покровом недоступной скрытности. Угадываете ли вы, что составляет предмет моих лекций?

Я намерен говорить об искусстве брать взятки.

Я уже заранее предвидел радостный трепет ваших сердец, ибо здесь дело идет о кармане. А что ближе к вашему сердцу, как не карман! И без робости взошел я на кафедру с намерением возглашать вам твердым голосом истины, которые бесспорно драгоценнее всех истин в свете. Драгоценнее! Этого мало: яснее, очевиднее и, если можно выразиться, истиннее всех истин на свете, потому что совершенное их познание основывается на самой практике и всегда ведет к богатству. А богатство не есть ли ключ ко всем удовольствиям и преимуществам в жизни? Ведь сии последние и составляют счастье, за которым так усердно гоняются люди по всему земному шару.

Итак, милостивые господа, искусство брать взятки открывает нам прямой путь к счастью. Между тем все другие истины, даже по мнению самого ученейшего мудреца в целом человечестве, на чем большею частью основываются? На одном предположении вероятности. Какую цель себе избирают? Доказать, что все невидимое недостоверно, а все видимое – суета сует. Цель горестная, жалкая! Доказательство ничтожное! И к чему они чаще всего приводят? К славе, которая почти всегда совместна с пустотой желудка. Слава – дым: глотая его, легко можно поперхнуться; а пустота в желудке – самая беспокойная вещь в свете.

Так, милостивые государи, искусство брать взятки принадлежит к познаниям точным и требует напряженного внимания того, кто желает погрузиться в глубину его таинств.

Но нужно ли мне взывать к вашему вниманию? Оно уже изощрено самой необходимостью. Если бы в наше время позволено было искать разъяснения действий человеческих в движении планет и созвездий, как было во времена Тихо Браге и Брюса, то я стал бы торжественно уверять, что в небе существует звезда взяток и что все мы, находящиеся здесь в полном собрании, родились под влиянием сей звезды и невольно следуем ее внушению. Иначе чем бы, казалось, можно было изъяснить эту решительную готовность и смелость обирать просителей, невзирая на множество запретительных и подтвердительных указов о лихоимстве, на все письменные и действующие меры правительства искоренить сие так называемое злоупотребление!

Но, милостивые государи, я очень хорошо знаю, что в нашем ремесле нельзя верить никаким звездам, и потому постараюсь изъяснить другими причинами ваше неодолимое желание промышлять в службе лихоимством. Позвольте спросить вас: какое другое звание могли бы избрать мы соответственно нашим знаниям, понятиям и наклонностям?

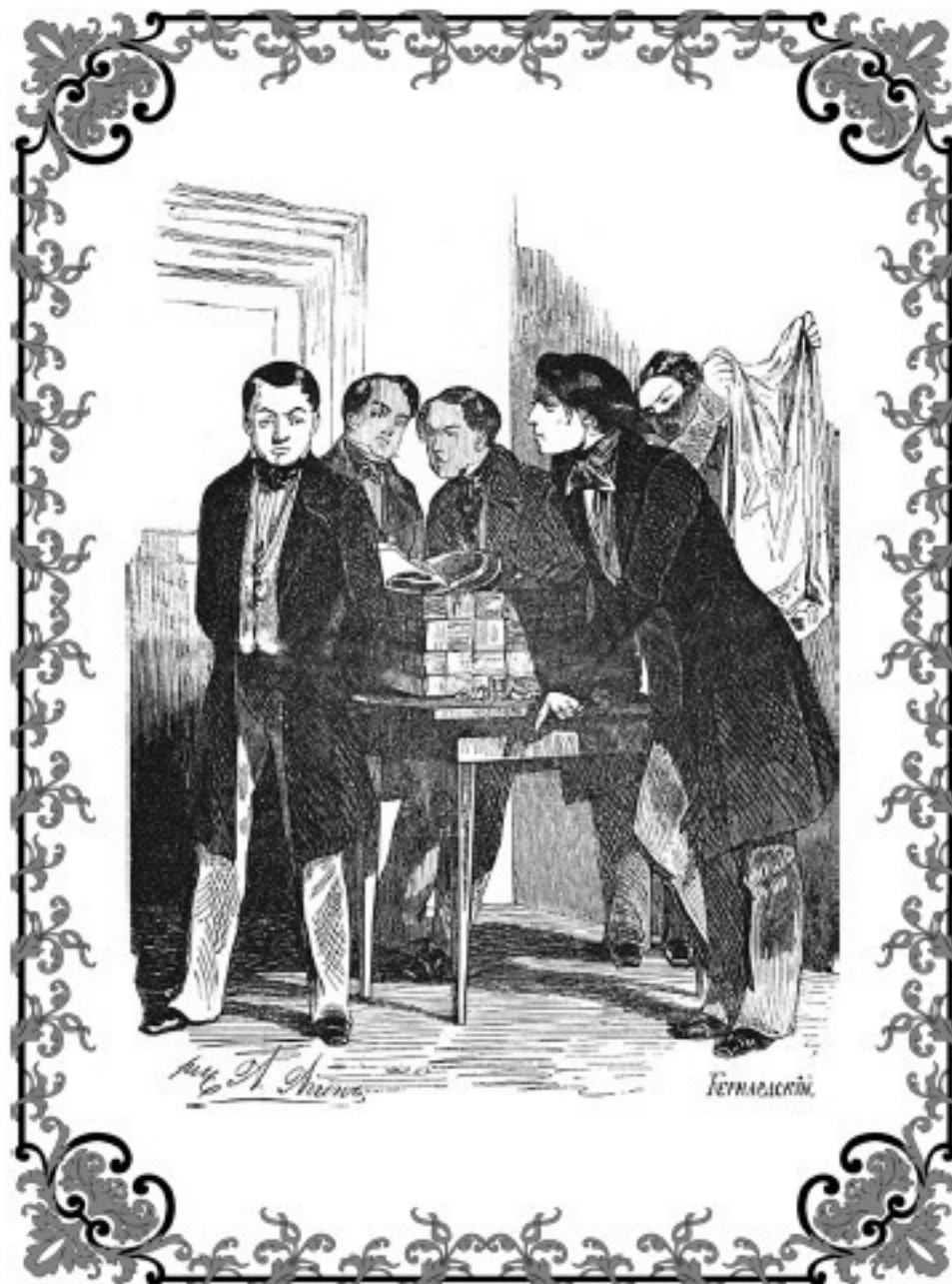

Военное? Но большая часть из нас с малолетства приучена к сидячей жизни. Иные не любят откровенности и прямоту, всегда свойственных военному человеку. Другие не хотят трудиться физически, полностью зависеть от дисциплины и даже всегда быть в готовности умереть, и все это даром. Найдутся и такие, для которых приятнее опрятным образом лить чернила, чем пачкаться в крови человеческой. Лить чернила! Почему же не избрать звания литератора? Но для этого надобно посвятить целую жизнь наукам, знать языки, и преимущественно отечественный; а между нами (что таить греха?) и орфография едва известна понаслышке, и то под весьма неточным русским названием правописания.

Приняться за торговлю и купеческие обороты? Но и для этого нужны предварительные сведения, которых мы несколько не имеем; притом начинать торговлю, даже и гнилыми яблоками, нельзя, не имея в кармане ничего, кроме воздуха. Почему не быть хоть сидельцами гостиного двора, биржевыми маклерами, приказчиками в конторе негоцианта и проч. Мало ли должностей, несколько не унижительных для честного человека? Конечно много, но нашим путеводителем в жизни является не столько честь, как тщеславие о происхождении

и желание почестей; к тому же все эти подобные должности требуют деятельности, умения обращаться с людьми, чистой нравственности. Все это очень трудно для нас, так как нам ни в одной школе не внушено ни умственной, ни телесной деятельности, просвещение влито насильственно через память, без ведома других способностей, которым при вступлении в свет не было средств обтереться между людьми и привыкнуть к тонкостям общежития.

Напротив, нет ничего легче, как прослать хорошим дельцом в службе. Для этого нужно: во-первых, рекомендательное письмо от какой-либо важной и знатной особы; во-вторых, сноровка раболепно повиноваться прихотям старших и делать с совершенным видом чистосердечия все им угодное, хотя бы вопреки своим правилам и характеру; и, в-третьих, необходимо терпение – терпение просидеть на одном стуле пять или шесть часов, не двигаясь с места и только водя правой рукой по бумаге, чтобы потом через несколько десятков лет уйти в отставку с геморроем. Гомер часто искал сравнения качеств своих героев с качествами какого-либо животного; позвольте же мне, милостивые государи, таковое терпение

уподобить благородному терпению вола, который, стоя на колесе машины и непрерывно передвигая ногами, приводит его в движение, а сам не подается ни назад, ни вперед: ступени колеса ежеминутно под ним переменяются, а он, в величественном могуществе своем, остается все на одном и том же месте. Вот все, с чем начинают службу и доходят потом до штатного места, где уже ожидают возможность применить на практике теорию искусства брать взятки.

Но вы, быть может с обиженным самолюбием, подумаете, что я, говоря все это, желаю унижать почтенное звание, к которому и сам имею если не честь, то по крайней мере удовольствие принадлежать. На это я вам возражу следующим образом.

Известно, что храбрость, по сознанию целого человечества, есть первейшая добродетель, а мы, милостивые государи, не краснея от излишней скромности, можем сознаться, что нет на земле существа отважнее взяточника, — позвольте в вашем почтенном собрании употребить это название: мы не собираемся друг друга укорять и уличать.

Что обыкновенно удерживает людей в страхе? Суд Божий, суд гражданский и суд общественный, то есть потеря доброго имени; вот три главные пружины, которыми смиряются страсти и управляется механизм нравственности народной. Они останавливают смельчака, готового на все решиться; они укрощают даже свирепость воина среди ужасов самой битвы и понуждают руку, облитую кровью врага строптивого, простираться на помощь врагу покоряющемуся. Но сколь слабы сии пружины для удержания лихоимства! Признайтесь, милостивые государи, кому из нас придет мысль вспомнить о Боге и совести, когда проситель предлагает дань добровольную, чистосердечную? Кто устрашится суда Уголовной палаты, будучи твердо уверен, что в председателе и членах этой палаты найдет людей, сострадающих к участи себе подобных или даже обладающих высшей гениальной способностью брать взятки с самих взяточников. В таком случае какой скряга-взяточник не преклонит пред ними колена с благоговением и покорностью! Найдется ли между нами один столь малодушный, чтобы затрепетать от ужаса или хоть от стыда, когда и Уголовная палата (от чего, впрочем, боже сохрани!) объявит громогласно, что такого-де исключить из службы и впредь ни к

каким делам не допускать? Кто тогда не покорится судьбе, всем в мире властвующей, и, даже не думая об апелляции, не принимая на себя труда показывать вид невинности, не поспешит возвратиться к своему ларцу и опочить на лаврах и миртах? Излишне было бы после сего упоминать о потере доброго имени! Для нас это такая малость, которую мы охотно, без торга, уступим за первую предложенную нам взятку. И не теряем ли мы доброго имени по несколько раз ежедневно в глазах всякого, кому продаем резолюции, справки и канцелярские тайны? Потеря доброго имени неразлучна с первым шагом на поприще взяток, даже по нашему собственному сознанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.